

Как раз подросли мастера по замене двери. Проследив, чтобы дверь заменили, Ся Минчао с чувством полной безопасности оглядел эту безупречную, изящную дверь, открывающуюся только после проверки его отпечатка пальца.

Теперь, кроме него, никто не войдёт.

— Маленький Си, позвони матери.

Маленький Си, с виду мягкий и милый, послушно застыл рядом с хозяином, развалившимся на диване. В его чёрных блестящих глазках замелькали бледно-голубые буквы цифровых данных.

— Идёт поиск контакта. Мать — Ван Цинлань.

— Выполнить видеосоединение? — прозвучал характерный металлический голосок Маленького Си.

— Да, — подтвердил Ся Минчао.

Дзинь.

Видеосоединение установлено.

— Цинь Хуайшан уже ушёл. Может, вы расскажете, что именно вы от меня скрывали? — Ся Минчао с недоумением смотрел на Ван Цинлань по ту сторону экрана. — Я проверил: Цинь Хуайшан — просто прожигатель жизни. А государственная Система брачного сопоставления, даже если подбирает пару по наивысшей совместимости феромонов...

— Но если один из альф или омег с высокой совместимостью отказывается от пары, система переназначает другого партнёра. То есть я мог отказаться от этого соответствия.

— В мой коммуникатор приходило сообщение от Государственного центра брачного сопоставления о том, что пара подобрана. Но поскольку коммуникатор был настроен на блокировку всех контактов, кроме ваших и папиных, я принимал все остальные сообщения за спам и даже не читал.

— Из-за этого я не успел вовремя отказаться. — Он глубоко вздохнул. — А то, что вы говорили мне о том, что государство вводит принудительные браки и система подбирает пары АВО, я и правда воспринимал как шутку.

— Но это мелочи. Сейчас я хочу спросить вас, мама, — Ся Минчао говорил с недоумением, — почему у Цинь Хуайшана оказались ключи от моего дома?

— И он вошёл в мой дом в самый разгар моего периода течки. Ключи дали вы или папа? И о времени моей течки вы тоже рассказали?

— Зачем вы это сделали? — В голосе Ся Минчао не было ни обиды, ни упрёка, но одни эти простые вопросы, один за другим, уже заставляли чувствовать стыд.

— Это я перед тобой виновата, — Ван Цинлань, всегда гордая и самоуверенная, чувствовала крайнюю неловкость оттого, что использовала брак собственного ребёнка как разменную монету. — Я перед тобой виновата. Твой отец здесь ни при чём.

— О твоём периоде течки я сообщила Цинь Хуайшану, и ключи от твоего дома тоже дала я. — Она выглядела усталой.

В глазах Ся Минчао мелькнули лёгкое потрясение и тень печали.

— Почему? Зачем вы это сделали?

— Я не верю, что вся ваша любовь ко мне с детства была ненастоящей. Так почему же?! — Он действительно не мог понять. Когда он стал совершеннолетним, отец рассказал ему одну тайну, которую скрывал с самого детства.

Оказывается, когда его отец и мать сошлись, она уже была в браке, но первый партнёр, тот альфа, полюбил другую омегу и развёлся с ней ради неё.

Отец, огорчённый, сделал операцию по удалению постоянной метки, оставленной тем альфой, у него случился нервный срыв, и он едва не попал под машину на дороге. Мачеха влюбилась в отца с первого взгляда и стала настойчиво добиваться его.

Поначалу отец не отвечал взаимностью, но однажды он внезапно упал в обморок и только тогда узнал, что беременен.

Прямо-таки мыльная история: паршивый альфа изменил с любовницей, а законная супруга после развода обнаружила, что носит под сердцем обузу.

Но печального тут было мало: его отец был действительно хорош, настолько хорош, что, расставшись с тем паршивым альфой, всё ещё мог вызывать у мачехи пылкое желание.

Когда омега беременеет, ему крайне необходимы присутствие и поддержка альфы, но у отца его альфы не было, и даже срок жизни сократился неизвестно насколько.

Мачеха в конце концов своим искренним сердцем вымолила у отца согласие быть с ней.

Оказывается, мать, которая с детства его любила и баловала, была всего лишь мачехой.

Но это не помешало ему, узнав, что он ей не родной, по-прежнему испытывать к ней сыновнюю привязанность. Она навсегда останется его матерью.

И именно из-за отца, когда он сам оформился в омегу, он ещё больше захотел оставаться холостяком. Не все омеги сразу встречают свою судьбу-альфу и живут с ним душа в душу. Даже такая красавица, как его отец, и то столкнулась с таким паршивым альфой, как его биологический отец.

Ван Цинлань смотрела на своего прекрасного пасынка. В его красивых глазах, казалось, блестели слёзы, и сердце у неё защемило.

Будто она снова увидела его маленьким: молочный малыш, даже если его обижали, не жаловался, а просто смотрел на человека, упрямо распахнув глаза, — от этого вида сердце разрывалось.

— Прости, Минчао... — Ван Цинлань протянула руку к своему ребёнку, будто хотела сквозь экран погладить его по голове, как в детстве.

— Я не хочу слышать «прости». Я хочу знать только почему. Почему вы выбрали мне такого жениха? Только из-за государственной системы подбора пар?

Подслушивавший за дверью Ся Юньсюй наконец не выдержал и толкнул дверь кабинета.

— Минчао, не вини мать.

— У неё были причины, — договорив это, он сам почувствовал стыд: он не прав.

Их семья теперь вынуждена спастись браком сына, но как бы то ни было, он не хотел, чтобы между любимым человеком и ребёнком возникла трещина. Они — семья.

— Скажи прямо Минчао, зачем ты отдала его период течки и ключи от двери этому Цинь Хуайшану.

— Если после этого он возненавидит тебя, пусть ненавидит и меня заодно. В конце концов, мы муж и жена, я не смог тебе помочь и не помешал тебе отдать сына в руки прожигателя жизни.
— На болезненном лице Ся Юньсюй проступила бледность давней хвори, отчего он казался ещё более худым и вызывал жалость.

Он смотрел на эту высокую, с мужественными чертами лица женщину, которая, зная, что его бросили и он беремен, всё равно его полюбила.

Сказала, что хочет создать с ним семью, видела, как он едва не умер на операционном столе, рожая Минчао, — эта женщина, обычно невозмутимая, даже если бы небо рухнуло на землю, не сморщила бы лоб, но при виде его слабости разрыдалась навзрыд, крепко обняла его и умоляла не покидать её.

А потом даже тайком сделала себе операцию по стерилизации, сказав, что ей достаточно его и Минчао, что она боится снова видеть его лежащим на больничной койке таким беззащитным.

С того момента он по-настоящему полюбил эту женщину, которая носила его на руках.

Услышав слова Ся Юньсюя, на лице Ван Цинлань отразилась борьба.

— Расскажи Минчао, — Ся Юньсюй сжал её руку, молча поддерживая и придавая сил.

Ся Минчао не был глуп. Глядя на их страдальческие лица, он догадался: с семьёй, видимо, случилась беда, и беда немалая. Он молча прикидывал, насколько же всё серьёзно, если мачеха не может справиться сама и вынуждена «продавать» его, чтобы заткнуть дыру.

Ван Цинлань сжала ладонь, лежащую в её руке, взглянула на Ся Юньсюя и наконец с трудом заговорила. На её холодном, жёстком лице проступил редкий румянец.

— Три месяца назад наша семья попала на чью-то удочку, и компания едва не объявила о банкротстве.

— Около одного миллиарда.

Один миллиард! Ся Минчао судорожно вздохнул.

Их семейная мелкая компания за год имела оборот чуть больше двух миллионов, и это ещё не считая чистой прибыли.

Ван Цинлань продолжала:

— Как раз в это время появилась государственная Система брачного сопоставления.

— Твоя и старшего сына семьи Цинь — Цинь Хуайшана — совместимость достигла девяноста девяти процентов.

— Тут же явился Цинь Хуайшан и сказал, что ему нужна омега-партнёрша. Если мы согласимся, чтобы ты был с ним, он решит проблему с долгом компании и ещё согласен поддерживать наше дело.

— Поэтому вы согласились и прямо отдали ему время моего периода течи и ключи от двери.
— Ся Минчао задал вопрос, но произнёс его утвердительным тоном.

Ван Цинлань и Ся Юньсюй, устыдившись, опустили головы. Они были виноваты перед ребёнком.

Хотя он и не хотел использовать свой брак как разменную монету, но долг в миллиард...

Прикинув свои сбережения на карте за эти годы, он понял, что ничем не может помочь — даже на ничтожную часть не хватит.

Он вздохнул. Этот лёгкий, едва слышный вздох долетел до ушей Ван Цинлань и Ся Юньсюй. Оба вздрогнули, в глазах зацепало, на душе стало горько.

— Мама, вы с детства меня баловали, и к папе вы тоже хорошо относились, — как можно спокойнее сказал Ся Минчао. — Мы с Цинь Хуайшаном уже переспали. Что бы ни было, дело сделано.

Вспомнив, как проснулся и обнаружил в своей постели незнакомого альфу, он почувствовал, как уши загорелись, но лицо покрылось тонким слоем ледяной корки.

— Цинь Хуайшан знал о моём периоде течи и явился как раз вовремя.

— Как раз когда я собирался принять подавитель, он появился и разбил его.

— Будь то воля небес или семейные обстоятельства...

— Я уже не ребёнок. Раз у меня нет любимого человека, а ему нужна омега — пусть будет так.

— Первую половину жизни я рос в сахарной бочке, которую вы для меня создали, но я не глуп и не наивен. Я пользовался вашей защитой и деньгами, так что и мне пора отплатить, помочь семье. Нельзя же допустить, чтобы вы, мама, обанкротились, и мы все оказались на улице. — Он видел, как у старших на глазах выступили слёзы, и уголок его рта дернулся. Он намеренно заговорил лёгким, подшучивающим тоном.

Ван Цинлань не ожидала, что Ся Минчао воспримет правду так спокойно. Но, подняв глаза, она увидела в его взгляде смирение и понимание.

Она поняла: её ребёнок наконец повзрослел, маленький принц вышел из башни из слоновой кости.

Этот мир далёк от сказки: чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать.

Слёзы хлынули из глаз.

— Прости, Минчао, — голос её дрогнул, но, не желая, чтобы любимый рядом видел её в таком жалком виде, она смахнула слёзы тыльной стороной ладони.

Ся Минчао, глядя на мать, которая никогда при нём не плакала, а теперь рыдала, снова попытался её утешить.

— Мам, не плачь, — он улыбнулся. — Смотри: ты плачешь, и папа за тобой...

Внезапно зазвенел недавно установленный дверной звонок. Ся Минчао инстинктивно сбросил видеозвонок.

Подойдя к двери, он взглянул в глазок и увидел, что за только что заменённой, проверяющей отпечатки пальцев дверью стоит Цинь Хуайшан.

Он включил видеодомофон и, глядя на стоящего за дверью, спросил:

— Ты ещё зачем?

— Что, не рад мне, мой жених? — Цинь Хуайшан словно не замечал неприязни на его лице. — Ну же, открой мне, будь паинькой.

— Не открою. Катись... — Ся Минчао вспомнил их семейные неприятности: как они попались на чью-то удочку, едва не обанкротились — одна мысль об этом бесила. И ведь он даже ничего не знал! Он что, не сын своему отцу и матери?! Такое важное дело — и ему не сказали. Боялись, что он будет волноваться? Так всё равно надо было рассказать! А теперь нате вам — «жених» с неба свалился, государство альфу подослало, да ещё и в постель к нему забрался, и только тогда он узнал.

— Ого, чего это у тебя такой запал? Кто рассердил моего маленького сокровища? — Цинь Хуайшан смотрел, как тот всё ещё хмурится, но его живые глаза гневно сверкают, и ничуть не обижался на ругань.

Услышав это, Ся Минчао опасно прищурился.

— Масляный язык, убирайся. Это мой дом.

— Возвращаясь к себе, — закончив, он отключил видеозвонок и развернулся, чтобы уйти в

комнату.

Цинь Хуайшан, получив от ворот поворот, посмотрел на дверь: утром, когда он уходил, она открывалась ключом, а теперь стала высокотехнологичной, с замком по отпечатку пальца.

Потрогав нос, он усмехнулся:

— Бессердечная омега. Как отрезал — так и забыл.

<http://bllate.org/book/20013/1974787>